

Тихоокеанский флот, журнал «Огонёк» и экстремальные репортажи

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1992>

🎙 29 апреля 2016

Собеседник

Кривоносов Юрий Михайлович

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 29 апреля 2016 и опубликована 30 мая 2018.

Введение

В третьей беседе фотожурналист и поразительный рассказчик Юрий Кривоносов вспоминает службу в гидроавиации Тихоокеанского флота. Он рассказывает о том, как создал фотолабораторию на борту самолета и как это изобретение позволило оперативно предоставлять разведывательную информацию о движении японских кораблей. В дальнейшем опыт работы в фотолаборатории помог ему устроиться в журнал «Огонёк» и стать фотокорреспондентом. Кривоносов рассказывает, как учился на вечернем отделении филологического факультета МГУ, а одновременно участвовал в многочисленных командировках и делал экстремальные фоторепортажи.

Военное училище в Молотове

Юрий Михайлович Кривонос: Училище, которое было в Перми (тогда город Молотов), было военно-морское авиационно-техническое училище. Собрано оно было из разных училищ. Это уже была мощная учебная точка, которая готовила специалистов для всей морской авиации. В частности, то отделение, в котором я был, пришло из Карелии. В Карелии это было Военно-морское авиационное училище спецслужб. Туда входили аэрофотослужба, метеослужба, радиослужба, шифровальщики и так далее. Вот это училище было в Молотове.

Когда нас на мандатную комиссию привели и распределяли, то инженер-полковник сказал, что меня надо на оружейника, а я сказал, что хочу на фото. Начальник училища, генерал, спросил, почему я хочу на фото. Я ему сказал, что я фотолюбитель, много лет занимаюсь, с десяти лет. Он сказал, что он тоже фотолюбитель, начал меня спрашивать, на чем я снимал, на чем я печатал. Он понял, что я уже знаю это все, и сказал: «Хорошо, пишите его на фото». И стал я учиться на фото.

Я думаю, это было в то время единственное по-настоящему профессиональное высшее фотографическое обучение, потому что у нас были предметы такие: аэрофотография, общая фотография, фотооптика, фотограмметрия, фотохимия, цветометрия и так далее. Все предметы были необходимые. Кроме этого, специально очень много практических занятий было по фотографии. У нас была огромная лаборатория, в которой мы все занимались. У каждого было свое рабочее место. Выходили на съемки и все такое прочее. Конечно, нам давали теоретические занятия по самолетам, электрооборудованию самолетов, потому что нам это все было нужно. Кроме этого, нас обучали столярному делу, слесарному делу, жестяническому делу.

Казалось бы, зачем? Оказывается, расчет был точный, потому что мы могли оказаться в полевых условиях, где надо было самим делать все на свете. Как выяснилось, это потом оказалось очень даже важным, потому что после передислокации, после реформирования мы попали в одно место, где ничего не было оборудовано, и мне пришлось в каком-то заброшенном старом бараке сделать фотолaborаторию. У меня были еще помощники, конечно, матросы. Я руководил всем этим делом. Мы сделали такую фотолaborаторию, которая обслуживала все наши вот эти дела и во время Японской войны, и все прочее. Главное, что потом, как я узнал через много лет после того, как я демобилизовался, эту лабораторию использовала все-таки та же часть морской авиации, которая в то время уже занималась картографией, аэросъемкой. Моя лаборатория пригодилась.

Кроме всего прочего, это обучение мне пригодилось на всю жизнь. Если вы посмотрите мою квартиру, вы увидите, что тут сделано: как все эти проемы я использовал и под книги, и под мелочи. У меня кухня так устроена, если вы посмотрите... Все в этом доме сделано моими руками, даже электрика. У меня гараж оборудован, как научная лаборатория. Все там выверено, все сделано. У всех уже все сгнило, а у меня все стоит нормально, потому что я был обучен этим вещам.

Тихоокеанский флот. Советско-японская война

Пока мы были в училище, кончилась война. Она была на западе. Нам объявили, что война закончена. Это было 9 мая, а где-то 10–11 мая нам сказали, что нас досрочно выпускают (два месяца мы не доучились) и срочно отправляют по частям. Нам всем присвоили звание сержанта, и всех отправили на Тихоокеанский флот, потому что приближалась Советско-японская война. Мы-то знали, что будет Японская война, хотя это и не оглашалось, потому что шли эшелоны друг за другом на Дальний Восток, части перебазировались бесконечно. Кроме всего этого, надо было подготовить всю разведывательную службу перед Японской войной. В общем, когда мы закончили, это кое-как сдали, и нас отправили во Владивосток.

Мы приехали в штаб флота, там было распределение. Морская авиация есть колесная, а есть гидроавиация, где летающие лодки так называемые или гидросамолеты, или все в таком духе. Я попал

в гидроавиацию на гидросамолеты. Это было на Амуре, Софийск. Почему на Амуре нас держали? Потому что пресная вода, а эти лодки дюралевые, огромные самолеты дюралевые, а дюраль от морской воды рассыпается очень быстро, как от кислоты. Поэтому их держали на пресной воде. Шестьдесят километров нас отделяло от моря, мы взлетали и через несколько минут уже были над морем, над Тихим океаном. Японское море, Охотское море, Курилы, Камчатка, Сахалин — наш район.

Когда я прибыл в часть, меня поставили в третью эскадрилью, которую я принял от какого-то сержанта, который ничего в этом деле не понимал. Почему он был в этой должности, я не знаю. Из двадцати аэрофотоаппаратов в строю был только один. За два месяца (июнь, июль) до начала Японской войны, до августа, я все аппараты восстановил.

” Нас из училища на месяц возили в Свердловск на завод, где выпускалась аэрофотоаппаратура, и мы в течение месяца своими руками собирали от начала до конца все аппараты, которые были на вооружении.

Поэтому мы с закрытыми глазами могли их ремонтировать и все делать. Поэтому я все это отремонтировал. Аппараты для плановой съемки установил на самолеты. Там ставится командный прибор: включать, штурману показать, где что. Короче говоря, я все десять самолетов в эскадрилье... Все десять аппаратов у меня были, и десять аппаратов, которые на ремне через плечо для перспективной съемки, тоже я сделал. Даже я их все покрасил. Мне понравилась очень краска: эбонитовая была, сохла быстро. Они красивые были. Такие были глазочки размечены, в которые во время перемотки видно, что пленка идет, я их даже разноцветными сделал. Это было пижонство, конечно. В общем, я все установил.

Мы летали, делали съемки корейских портов, Китая, где ожидался район боевых действий. Мы выслеживали японские подводные лодки, потому что подводную лодку видно сверху. С самолета видно, если на глубине даже. Ее только можно перепутать с китом, но кит время от времени дает фонтан, а подводная лодка фонтана не дает. Потом в августе началась Японская война. Кроме того, что мы вели разведывательную работу, еще мы возили десанты, высаживали в корейских портах и в китайский Порт-Артур. Наш полк брал Дальний. Это в Южной Корее, а часть портов — в Северной Корее. Это все мы освобождали. Самолет был большой вместимости. Каждый самолет брал примерно двадцать морских пехотинцев и лодку, которая надувалась. При высадке они через блистер выскакивали, садились под автоматом, и мы еще из пулеметов их поддерживали. Они шли на берег. Причем было взаимодействие с десантниками морскими, которые высаживались с моря на катерах, а мы своих привозили на самолетах. Кроме этого, у нас были еще самолеты-амфибии, которые могли садиться и на воду, и на землю. Где были сухопутные аэродромы, там садились эти амфибии, туда высаживали десантников.

Месяц всего-то длилась война, но потери были колоссальные, чуть не в два раза больше, чем мы за десять лет в Афганистане потом потеряли. Потери были большие. Японцы довольно сильно сопротивлялись.

Екатерина Андреевна Голицына: А вашу разведку они не видели?

Ю. К.: Видели. Мы же летим, нас же видно.

Е. Г.: Да. Не обстреливали?

Ю. К.: Нет. Не обстреливали почему-то. Мы с большой высоты. Может быть, они до нас не достреливали. Не знаю. Но не обстреливали нас.

Юрий Кривоносов. Тихоокеанский флот. 1945. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Е. Г.: Юрий Михайлович, я читала, что вы чуть ли не фотолабораторию на борту оборудовали.

Ю. К.: Фотолабораторию, да. У меня была фотолаборатория в одном самолете, флагманском. Ну, командирский самолет. Я летал с командиром эскадрильи. В хвосте у меня была сделана большая палатка, там у меня были химикаты все, сделанные специально так, чтобы не расплескивалось. Сушили пленку после проявки, сушили в спирте, и был такой лючок — воздух забортный обдувал, и очень быстро пленка сохла. Потом печатали, таким же образом в спирт, сушили. Потом дешифровка, фотограмметрия так называемая. Я должен был написать: такой был штамп большой, на штампе было по пунктам, где что снято, откуда идут корабли, куда идут, какие у них задачи. Я должен был догадаться, куда они, зачем. Это я все делал. Потом отпечаток. Кадр был тридцать на тридцать. Большая пленка и отпечатки большие. Поэтому штамп там ставился, и на штампе все писалось. Потом это в трубочку свертывалось — и в вымпел. Такая трубка была, к ней красная тряпочка приделана. Туда закладывалось это. Прилетали, на брющем проходили мимо штаба флота и сбрасывали этот вымпел с готовым, отдешифрованным кадром. У меня тридцать шесть минут было от того момента, когда я снял корабль какой-то (мы засекали время). Через тридцать шесть минут я уже сбросил вымпел.

Е. Г.: Фантастика.

Ю. К.: Да. Мне потом дали премию в размере пятидесяти рублей (*смеется*) за это изобретение. Вот это моя была такая работа. Война кончилась. Стали мы готовиться к Корейской войне, потому что готовилась Корейская война. Потом она не состоялась для нас, во всяком случае. Мы не принимали... Хотя наша

авиация там принимала участие, но это была истребительная авиация, а морская не употреблялась там. Мы продолжали просто службу, и держали нас еще долго-долго — до 51-го года. Не 50-й год? Нет, 51-й год. Демобилизовали только в 51-м году. Значит, семь с половиной лет срочной службы в матросском кубрике. С меня хватило.

Вот в то время, пока мы служили, продолжали летать, тренировались, шла нормальная жизнь воинской части. Нас перебазировали, нас перемешивали, снова перемешивали, потом снова перегоняли в Приморье. Мы были год около Находки, бухта Врангеля. Потом прилетели обратно в Софийск, потому что там была морская вода, нельзя, нас перегнали опять на пресную воду. Началась боевая учеба. Днем занятия, если нет полетов, или полеты. Там без дела никто не сидел, но отдыхали мы тоже хорошо. У нас был свой духовой оркестр. Я играл в духовом оркестре. У нас был джаз. Я играл в джазе. У нас был драматический коллектив. Мы ставили классические пьесы, в том числе Гоголя. Я участвовал в этом деле, но никогда не мечтал быть ни музыкантом, ни артистом. Я никем этим не мечтал быть.

Журнал «Огонёк»

В это время — это был 48-й год, 47-й — 48-й — мама работала в «Огоньке» литсотрудником. Когда война кончилась, «Огонёк» начал выходить. Главным редактором пришел Алексей Сурков, поэт, фронтовик, и он собрал по существу всю редакцию из фронтовиков, кроме технических каких-то. А творческие были все фронтовики, в том числе моя мама. Так как она там работала, то она мне каждую неделю присылала журнал «Огонёк» по почте. И приходило в гарнизон два «Огонька»: один — мне на почте, и один — в гарнизонную библиотеку. А библиотека была отличная. Мы очень много читали, кстати говоря. Таким образом, я видел «Огонёк» на протяжении этих двух-трех лет и видел, какие там печатаются фотографии. Началась уже цветная съемка. Помню первые цветные. Это Яков Рюмкин, какие-то были редиски цветные, я запомнил. Тогда у меня появилась мечта не мечта, но вот как мне было бы хорошо в жизни стать фотокорреспондентом «Огонька». Мечта эта была, конечно, хорошая, но вообще она была несбыточная.

В последний год меня перевели в Москву. Последние полгода я служил здесь в Гольяново, где теперь эти улицы Парковые. Там был аэродром Военно-морского министерства. Значит, морская авиация ВВС. Я на этом аэродроме последние полгода прослужил, там меня застал приказ о демобилизации. Я купил билет на метро и приехал домой. На этом моя военная служба была закончена.

Поиски работы. Трудоустройство в журнал «Огонёк»

Тогда встала проблема: что делать дальше? Но я сделал одну хитрую вещь. Последние два-три года, работая во время службы, я на себя взял основную работу по фотолаборатории, по обработке, потому что я знал, что это на гражданке мне пригодится, надо будет. Аэроаппаратура, эти разведки, все эти дешифровки — это мне никогда не понадобится, я знал. А вот лаборатория — это может быть кусок хлеба. И так оно и оказалось. Когда я демобилизовался, устроился сначала работать на какой-то декоративно-оформительский комбинат. Я там числился месяца три-четыре. С мамой на фронте была фотокорреспондент Ольга Ландер. Они в паре с ней во фронтовой газете 3-го Украинского фронта были, вместе прошли все эти страны вплоть до Вены, где закончили войну. Ольга Ландер меня пристроила в этот комбинат. Но там никакая работа не клеилась. Там надо было быть дельцом, надо было уметь самому находить работу, заказы. Я ничего не зарабатывал там. Потом какой-то там был один привилегированный товарищ, который схватил большую халтуру. И он меня взял, чтобы я ему помогал проявлять. И тут за два дня я заработал тысячу двести. Большие деньги это. Но он был хитрый очень мужик. Он еще в бригаду записал свою жену. То есть все заработки пошли не нам с ним пополам, а на троих. Значит, две трети — ему с женой, одна треть — мне. В общем, все это было плохо.

Мама в это время уже в «Огоньке» не работала. Это был 51-й год. Когда в 49-м году началась борьба с космополитами, ее оттуда вышибли, а фронтовые друзья ее устроили в газету «Красный флот». Оттуда

ее тоже вышибли. Ее позвал генерал, главный редактор «Красного флота», сказал: «Ничего не могу сделать. Представляете, приказ — „всех евреев уволить“. Что я могу сделать? Но я вас не брошу. Я вас устрою в журнал „Морской сборник“». Это научный морской журнал при министерстве Военно-морского флота был. Она стала работать в Козловском переулке, в министерстве, в этом журнале. Вот тогда она пошла к начальнику кадров флота, адмирал какой-то был, и сказала: «Знаете, мой сын на Дальнем Востоке, мы с ним уже семь лет не виделись. Я на фронте, он на фронте. Нельзя его перевести поближе куда-нибудь, чтобы я к нему съездить смогла?» Он говорит: «А что поближе? Мы его в Москву переведем». И меня он перевел в распоряжение Московского флотского экипажа, а оттуда — в военно-морской полк авиационный, в котором я войну и закончил.

Так вот, мамы уже в «Огоньке» не было. Это был 51-й год. Когда я демобилизовался, она попала со своими огоньковскими бабами... Дружба-то у них сохранилась, какие-то дни рождения... Она пошла туда, говорит: «Вот у Юрки очень плохо дело, с работой не ладится ничего». Они сказали: «А его надо в „Огонёк“ устроить в фотолабораторию. Там ребята хорошо зарабатывают. Мы поговорим». Мне позвонили и сказали: «Иди в „Огонёк“ к заведующему фотоотделом. Алексей Александрович Вольгемут там такой сидит. К нему». Я к нему пришел и говорю: «Я хочу к вам устроиться». Он говорит: «Я вас могу взять на один месяц. У меня сейчас заболел фотолаборант, и место это свободно. А дальше будет видно». А он фронтовик. Я тоже фронтовик. Знаете, а у фронтовиков есть своя такая спайка. Короче говоря, он меня взял в эту самую фотолабораторию, и я начал работать. Месяц я проработал. Потом тот вышел, а там был еще один старший фотолаборант в лаборатории в «Огоньке», он репродукциями занимался, Цветков такой. Замечательный человек. Он тоже меня опекал, пока я там был, потому что он тоже фронтовик. А эти ребята, два молодых лаборанта, как волки, меня встретили — очень плохо, очень. Ну, это не важно. Но я-то был уже тертый калач, поэтому работа у меня шла, я все умел делать, я в лаборатории нормально работал.

Короче говоря, через месяц, когда этот вышел, судьба моя какая? Что делать? Вольгемут говорит: «Я тебя не брошу. Пойдем». Вы знаете, у «Правды» была газета «Красноармейская иллюстрация»*, огромная газета, полотно такое, фотогазета по существу. Он меня привел туда, говорит: «Вот парень. Надо бы его». Они — опять все вояки — говорят: «Да. Но у нас четыре месяца оформление на допуск». Потому что там считается секретное... Я говорю: «Ладно, буду терпеть». И случилась такая беда, что у старшего фотолаборанта случился инфаркт, и он умер. Вольгемут сказал: «Мы никого больше брать с улицы не будем, вот Кривоносов пусть останется». И я остался на двадцать семь лет.

* Красноармейская иллюстрированная газета

Так как я пришел с семилеткой с военной службы-то (я в 41-м году только семилетку кончил), я пошел в восьмой класс вечерней школы. В «Правде» была своя вечерняя рабочая школа. Днем я в лаборатории работал, а вечером шел в вечернюю рабочую школу. Три года днем на работе, вечером там, а уже часов в двенадцать, в одиннадцать я домой приходил. Короче говоря, я закончил эту школу с золотой медалью и собрался идти в университет. Куда? Конечно, на журналистику. Может, я это рассказывал, повторяюсь?

Фотография с похорон Сталина

Е. Г.: Нет еще. А 53-й год мы пропустили? Или не дошли еще?

Ю. К.: 53-й?

Е. Г.: Год смерти Сталина.

Ю. К.: Это мы сейчас дойдем.

Е. Г.: Хорошо, извините. Важный момент.

Ю. К.: Это был 53-й год.

Е. Г.: Когда вы были в МГУ.

Ю. К.: Нет, я еще в школе учился. Я еще учился в школе. Когда умер Сталин — это для меня дата фундаментальная. Мне удалось сделать панораму грандиозную с видом на Кремль через народ, там похороны. Ее в «Огоньке» дали. 53-й год.

Е. Г.: Расскажите подробнее про этот день. Вы же были...

Ю. К.: Ну, это очень просто. Нас три дня не выпускали из лаборатории. Пока Сталин лежал в Колонном зале, дневали и ночевали, оттуда не выходили два наших фотокорреспондента: Бальтерманц и Гостев. Они снимали всех этих людей, кто приходит, эту всю похоронную процессию в Колонном зале и присылали пленки. Мы их проявляли и с каждой пленки печатали по четыре контрольки. Что-то мы отбирали сразу в номер текущий, а все остальное складывалось в ящик у нас в лаборатории. Это для ЦК. Мы же были в издательстве ЦК. Для ЦК были эти контрольки заказаны. Полный ящик мы сделали.

В день похорон, когда уже там все, нас отпустили с утра и сказали: «К трем часам быть тут». На два часа, что ли, похороны... «Потом репортеры придут со съемок, будем проявлять, печатать, и все». Короче говоря, у моего приятеля Колюни, которого потом я в «Труд» устроил, я взял ФЭД и пошел по городу. Но везде все перегорожено, везде закрыто, нельзя ни пройти... Каким-то образом я протырился до «Ударника», перешел на Болотную и через переулок вышел прямо на Кремль. Пусто, никого, ничего. Ну, или предчувствие у меня было. Я там отирался. Стал собираться народ. К моменту, когда сами похороны должны были быть, вся Софийская набережная была запружена народом. Я стал снимать. Полтинник у меня — влазит мало. Мой опыт аэросъемки: надо делать не просто панорамную, надо делать площадную съемку. А точку нужно повыше. А там какой-то был подоконник, срез. Он такой под углом. Я сажусь и съезжаю. А там мальчишки. «Ребята, держите меня за ноги!» Они меня за ноги, и я снимаю. Я сделал семь кадров по Кремлю и семь кадров по народу. Отправился в эту... Уже время подходит. Я побежал на метро, по-моему, Новокузнецкая. До Белорусской и в лабораторию.

Проявил свою пленку, повесил в шкаф сушить. В это время пришли репортеры. Начали мы проявлять, печатать. В общем, напечатали. Заведующий пришел, отобрали они уже весь материал, показывают начальству, а лаборатория — на первом этаже, а это начальство — на седьмом. Они отправились на седьмой этаж показывать начальству. Я в это время нашлепал свои картинки, четырнадцать штук, и скрепками скрепил такую фотографию большую. Короче говоря, когда они с утвержденным материалом спустились вниз, чтобы уже печатать макет, завфото Вольгемут: «Слушай, а это что такое?» Я говорю: «Да вот...» — «Ну-ка!» Он схватил, побежал вверх к начальству. Они сказали: «На разворот!» Вот так я первый раз в «Огонёк» попал на разворот сразу. Пятьсот рублей был гонорар. Мы его в лаборатории пропили. Вот история. У меня об этом напечатано было в каком-то журналистском журнале, называлось «Первый гонорар». В общем, вот с этого у меня пошло.

Панорамная фотография похорон Сталина, сделанная Юрием Кривоносовым. Москва, 1953. Источник фото: www.krisphoto.ru

В 54-м году я закончил школу и хотел пойти на журналистику. Конечно, я ходил по редакции и говорил, что я уже ходил на день открытых дверей, видел там Романа Кармена, еще кого-то. И все, я иду на журналистику. А в отделе информации было два мудрых человека. Один опытный очень старый редактор — Яков Моисеевич Гик. И был Савва Тимофеевич Морозов — внук того знаменитого Саввы Тимофеевича Морозова. Они мне сказали: «Ты что, обалдел? Что ты хочешь? Ты что, хочешь изучать историю, теорию и практику партийной печати? Иди на филологию. Будешь знать литературу и будешь знать язык». И я пошел на филологию. Вот тут начинается университет. Нужно с подробностями?

Е. Г.: Нужно.

Ю. К.: Нужно? Тогда я вам сейчас расскажу очень смешную вещь. У меня золотой диплом, да? Все пятерки. Я медалист. Значит, экзамены сдавать мне не надо. Кроме этого, я как участник войны шел вне конкурса. То есть я с гарантией попадал в университет. Поэтому я дотянул до последнего дня, и после обеда уже, когда был последний день приема документов, я быстренько похватал все, оделся и побежал в университет. Я жил недалеко. Там у Никитских недалеко. Короче говоря, прибежал я на эту комиссию, положил им все мои бумаги, а они на меня смотрят и лучезарно мне улыбаются: «У вас такие данные. Почему вы не идете на очный?» Я говорю: «А кормить кто меня будет? И мою маму кто будет кормить? Мне же кормиться надо. Я же не могу идти на очный. Мне надо на заочный». — «Прекрасно. Вы приняты. Приходите на установочную сессию». Ну, 1 сентября, что ли, сказали, я не помню. И опять они улыбаются. Я думаю: «Что им так понравилось? Что они улыбаются?» Ну, я выхожу и обнаруживаю: у меня расстегнута ширинка. И не только расстегнута, а расшиперена. Я так спешил, что так вот вошел в университет.

Потом я пошел на установочную сессию. Там в основном молодежь была. Хотя это вечернее отделение было. Старше меня только был пятидесятилетний Сергей Иванович Травкин, главный мастер депо Белорусского вокзала. Почему он пошел на филологию — загадка. Но отучился вечерами и закончил. Уже пятьдесят лет ему было, когда он пришел. А мне было двадцать восемь. Тридцать четыре года мне было, когда я закончил университет. Но я продолжал работать в лаборатории, потому что я не мог оторваться от города. Если репортер, то надо же и в командировки ездить все время. А я не мог — у меня университет. Поэтому я за лабораторию держался. Но в удобное для меня время я ездил по командировкам.

Е. Г.: Можно поподробнее про МГУ?

Ю. К.: Расскажу про МГУ.

Е. Г.: Кто учился? Кто преподавал? Это важно.

Ю. К.: Вот. Сейчас я с этим закончу.

Е. Г.: Извините.

Ю. К.: Я отдельные делал темы. Мы вместе с одним парнем работали, мы делали очень большой материал о рыбаках. Зимний подводный лов. Рыба на Байкале. Потом мы сделали Братскую стройку*. Когда она шла вовсю, морозище был пятьдесят градусов. В общем, время от времени мои материалы уже появлялись.

* Ю. М. Кривоносов был на строительстве Братской ГЭС в 1959 году.

Е. Г.: Вообще у вас далекие были командировки.

Ю. К.: Да. Мощные командировки. По мелочам мы не ездили. По Северному Уралу мы делали командировку тоже большую. Но это в то время, когда я мог оторваться от лаборатории и от университета.

Короче говоря, начал я ходить в университет вечерами после работы. Занятия были очень интересные. Мне было очень интересно. Публика была очень молодая. Один большой Сергей Иванович, это вот пятьдесят лет, и я был — двадцать восемь мне было. А тут по двадцать, по восемнадцать, ребята с гражданки. Я даже их и не помню. Помню, один был такой Седов. Он стал где-то в журналистике работать, но я с ним потом растерялся. Натыкался на одного или на двух. Я их уже и не помню. Не помню,

с кем я учился.

О преподавателях

А преподаватели были у нас чудесные. Древнерусскую литературу нам преподавал Николай Иванович Либан. Это был потрясающий преподаватель. Он на память читал все тексты древнерусские. Он все помнил. Он был очень строгий. Когда приходили и начинали ему сдавать, начинали плавать и не знали, какие были князья, еще чего не знали, он всем говорил: «Идите в Третьяковку. Посмотрите вот такой-то зал, такие-то вещи, где князья, где это, где это, историю русскую». Они шли. Когда приходили, [он спрашивал]: «Вы ходили?» — «Да». — «Давай зачетку».

Я узнал, что он принимает зачет по древнерусской литературе. Я еще полкниги только прочитал, но пошел в университет узнать, как там идут дела. Короче говоря, я пришел, а это где-то на самой верхотуре было, на последнем этаже. Одна девка выходит от него в слезах, другая в слезах, потом выходит какой-то парень, говорит: «Все в порядке! Все в порядке! Сдать легко! Я все сдал!» Оказалось, что он тоже провалился, но он моральную поддержку людям делал. Я тоже стою. Вдруг Либан выходит в коридор: «Вы пришли сдавать?» Я не успел раскрыть рот. Он сказал: «Заходите». Ну что я скажу, что не пойду? Я пошел. Пошел, сел я на шкентеле. Знаете, что такое шкентель? Сзади парта. Сел. Девчонки передо мной сдавали. Какая-то девчонка чего-то стала вякать, плавать с князьями. Я начал ей тихонько подсказывать. Он на меня посмотрел сурово и сказал: «До вас очередь дойдет». Я уже ни живой, ни мертвый. Еще одна девчонка. Он ей говорит: «Расскажите про „Повесть о Горе-Злочастии“». Как за ним это Горе гонялось, орлом и еще кем-то оно за ним гонялось. «Кем еще гонялось?» Она не знает. Он говорит: «Серым волком!» А я с места подаю реплику: «Серым выхлоком». А там по повести действительно «серым выхлоком». Тогда он на меня посмотрел еще раз, ничего не сказал. У меня душа ушла в пятки. Весь секрет в том, что я же ходил, память хорошая, и я очень внимательно слушал, что он рассказывал, поэтому я хорошо знал предмет. Наконец, когда он девок всех вымел, меня посадил: «Что у вас?» Я говорю: «История открытия памятника „Слово о полку Игореве“». — «Рассказывайте». Я ему как пошел чесать про это, как Мусин-Пушкин в Ярославле нашел где-то в монастыре эту вот, когда Пушкин, Качановский, еще кто-то спорили по поводу того, что это позднейшая подделка. На что Пушкин сказал: «А кто бы это мог? Кто бы мог так написать? Я бы так не написал. Назовите, кто бы написал?» Короче говоря, было признано это все. Потом: «А кто еще занимался у нас изучением?» Я говорю: «Николай Каллиникович Гудзий». Ну все. Второй вопрос — он: «Ладно, не надо. Будете ходить ко мне на семинар. Что вы возьмете?» Я говорю: «Я начал изучать „Повесть о новгородском белом клобуке“». — «Давайте его разрабатывайте, будете ходить ко мне на семинар». Таким образом я у него уже утвердился как хороший студент.

Потом были очень хорошие преподаватели. У нас литературу XVIII века преподавал профессор Кокорев. Очень интересно. Он всегда приходил с полным книг портфелем. Расстегнутый портфель полный книг! Я на этом погорел. Мы сидим, ждем начала. Я говорю своему приятелю, с которым мы вместе сидели: «Сейчас опять придет Кокорев с расстегнутым портфелем». Он говорит: «Нет, с застегнутым». Я говорю: «Нет, с расстегнутым». — «Давай поспорим». — «На что?» — «На полдюжины пива». — «Давай». Входит Кокорев — единственный раз в жизни с застегнутым портфелем. А в столовке в университете пиво было тогда. Пошли мы пить пиво. Кокорев очень хорошо преподавал.

Замечательный был преподаватель по старославянскому языку — Иванов то ли Василий Васильевич, то ли Владимир Васильевич. Точно имя я не помню. А учебников не было. У меня были замечательные конспекты. Я все записывал за ним. Я вообще был аккуратист, как выяснилось потом. Три толстых тетради. Это у меня было просто как учебник по старославянскому языку. Потом у меня один какой-то парень, который пошел в филологию учиться, попросил конспекты, забрал, и больше я их не видел. Значит, Иванов был.

Потом нам введение в языкознание преподавал Иванов этот самый...

Е. Г.: Вячеслав Всеволодович?

Ю. К.: Да-да-да, Вячеслав Всеволодович, по прозвищу «Кома». Он нам преподавал введение в языкознание.

Е. Г.: Это он молодой совсем был.

Ю. К.: Он был совсем молодой. Я-то уже был в годах, а он-то был совсем молодой тогда. Но он уже был доктор. Он защищал диплом, который ему стали засчитывать как кандидатскую и в результате дали доктора сразу. Он какие-то древнехеттские корни языка открыл.

Замечательный был у нас преподаватель по фольклору по фамилии Ухов. То ли Павел, то ли Петр. Не помню имени. Отчества не помню. Он говорил: «Вам надо пятерки ставить только за то, что вы после работы вообще сюда приходите». Он нам все рассказывал про фольклор. Когда дошло до анекдотов, анекдоты же — тоже фольклор, мы говорим: «Расскажите нам какой-нибудь анекдот». Он говорит: «Хорошо, я вам расскажу анекдот. Стоит очередь. Последним в очереди стоит мужчина. Подходит женщина, спрашивает: „Что дают?“ Он говорит: „Мериме“. Она говорит: „Это лучше штапеля?“ Он говорит: „Извините, Штапеля я не читал“». Вот анекдот. Разные позиции, разные люди. Вот это Ухов был.

Зарубежку нам преподавал Федоров. Анатолий Федоров. Он нам преподавал зарубежную литературу, очень интересно читал, но он все время любил слово «детерминировано». Мы долго не могли понять, что за «детерминировано». Потом я с ним встретился где-то на поминках у наших друзей случайно. Я уже давно закончил. Мы тогда с ним пообщались в близком кругу, с этим Федоровым.

Потом еще какой-то Федоров античку преподавал. Потом была еще у нас Людмила Михайловна. Фамилию я точно ее не помню. Она нам тоже преподавала античку. Что она нам преподавала? По-моему, древнегреческий она преподавала. Я уже не помню.

А латынь нам преподавала замечательная женщина — Анна Яновна. Фамилию не помню. Она была латышка. Она нам преподавала латынь. Когда она входила в аудиторию, она говорила: «Ну, viri docti!» Это ученые мужья, мужи ученые. «Ну, viri docti, что сегодня будем делать?» Она нас прекрасно обучала латыни. Конечно, потом я все это забыл, и латынь, и все прочее. Но я сдавал хорошо.

Потом сравнительная грамматика восточнославянских языков — я уже не помню, кто преподавал. Но сдавал я аспиранту какому-то. Когда я сдавал немецкий язык, тоже аспирант принимал. Я плавал и переводил какой-то... Ужасно. А это был уже экзамен. И он мне сказал: «Тройку хочешь?» Я говорю: «Хочу». Он: «Забирай и уходи, чтобы я тебя больше не видел». А потом я поехал в этот же год в командировку с немцами на четыре месяца. После этого я уже начал по-немецки лялякать, в общем, потихоньку научился.

Один был очень смешной случай. Я уже не помню, какой профессор — пожилой профессор — принимал историю русского литературного языка. Он говорит: «Кто разработал теорию современного русского литературного языка?» Я ему говорю: «Академик Обнорский». Он говорит: «Правильно. Когда?» Я говорю: «2-я половина XVIII века». Он на меня посмотрел с большим интересом и сказал: «Академик Обнорский живет на улице Горького, дом пятнадцать! Ну, вообще ты молодец. Шустрый». Вот так я и прозанимался эти все годы.

Путешествие по СССР с немецкими журналистами

Иногда я после этого шел домой не спеша. Уже темно было, часов в одиннадцать кончались занятия. И один раз, когда я шел, был жуткий туман. Я думаю: «Это пропустить нельзя». Я пришел домой, взял фотоаппарат, штатив и пошел по городу. Снял я тогда свой один из самых знаменитых кадров «Туманный вечер у памятника Гоголю». Он у меня потом был напечатан в «Огоньке» на обложке. Когда я поехал сопровождать двух немецких журналистов (я четыре месяца их сопровождал по стране), один мне подарил свою книгу «Москва от нуля до двадцати четырех», и я вижу в этой книге мой снимок этот! «Туманный вечер». Он, видно, когда-то взял в редакции, еще мы не были знакомы даже. Он говорит: «А-а-а». И он

мне прямо на этой книге написал: «Следующую книгу мы будем делать вместе». И потом мы с ним всю жизнь вместе сотрудничали, помогали друг другу и дружили всю жизнь до его кончины самой. И со вторым. Это были мои друзья на всю жизнь. Меня послали на два месяца их сопровождать. Это был 57-й год. Но я уже в университете был. Да, летом каникулы. 57-й год.

Туманный вечер. Москва, 1955. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Е. Г.: Куда вы поехали?

Ю. К.: Мы поехали так. Они приехали на полгода. Они сначала два месяца были на севере: Ленинград, Мурманск. Их сопровождал такой Саша из международного отдела. Они были им страшно недовольны, потому что они ему говорили: «Саша, ты не журналист. Ты полицейский». Потому что «а зачем вы это снимаете, а зачем вы с этим говорите». — «Какое твое дело? Мы работаем». А они были очень сильные журналисты. Они каждую неделю посылали репортажи в свою газету «Wochenpost» в Берлин. Отсылали пленки и материалы для будущей книги: они готовили книгу «От Белого до Черного моря». Потом эта книга у них была издана. И вот меня послали их сопровождать. Один с этим Сашей поехал на машине. Они на своей машине были. На машине поехал с ним до Киева. Нет, до Ростова, через Киев до Ростова. А мы с этим моим другом — Эрвин его звали — на теплоходе до Астрахани. Отсняли Астраханский заповедник, Астрахань. Жара была жуткая.

Они блестяще подготовились: они знали, где, когда будет какая погода, какой климат. Все у них было изучено. Дотошные ребята. И он сказал: «Мне нужен шторм на Цимлянском море». Когда мы от Сталинграда (тогда Сталинград еще был) до Ростова шли по Волго-Донскому каналу, в Цимлянском море таки был шторм по его заказу. Это с ума сойти. Он был очень опытный. Он потом стал писателем известным у них. Короче говоря, мы с ним пропутешествовали туда. В Сталинград мы прилетели самолетом из Астрахани, были там день, а вечером в Ростов отправлялись. Мы снимали на Мамаевом кургане. Там еще ничего не было, кроме осколков. Нас арестовали, забрали, потом разобрались, выпустили. Там же как человек с фотоаппаратом — его надо арестовывать, он шпион.

Е. Г.: Но у вас были разрешения ведь?

Ю. К.: Ну, конечно. Удостоверения, документы. Разобрались, конечно, нас отпустили тут же. Когда

мы приехали в Ростов, то в это время Саша с этим Арно приехали на машине в Ростов. А в это время начинался международный фестиваль* молодежи 57-го года в Москве. Саша улетел обслуживать этот фестиваль, так как он был с английским языком и так далее, и так далее. Он работал в международном отделе «Огонька». Так что Саша уже все, и я с ними...

* VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Меня послали на два месяца. Когда два месяца подошли к концу, я говорю: «Все, меня будут менять». Тогда они взвыли, стали звонить в редакцию и просить, чтобы меня оставили им до конца. И меня оставили с ними до конца, и я с ними пробыл до ноября. В общем, уехали в июле, вернулись в конце ноября. Уже мы на их машине объехали Кавказ: район Минеральных Вод, республики эти кавказские. Слетали в Баку. Один из них был в Тбилиси, а мы с другим — в Баку. Это было очень большое путешествие. Для меня, начинающего журналиста... Да, я же еще в лаборатории числился. 57-й год. Да, в лаборатории. Я из лаборатории-то ушел в 60-м году на защиту диплома. Значит, я еще был в лаборатории. Меня так послали.

Е. Г.: А вы с фотоаппаратом ездили?

Ю. К.: У меня было уже два или три фотоаппарата. Я много снимал. Во-первых, я у них очень многому научился: и приемам работы, и как работать, и как договариваться, как с людьми беседовать, как снимать. Для меня это была колоссальная школа. Кроме этого, я просмотрел всю Волгу, Кавказ, кавказские республики, побережье, Крым, юг Украины. Короче говоря, огромную территорию страны я посмотрел. И все снимал. У меня очень большая фототека сохранилась. И у меня потом в «Огоньке» были обложки с этой поездки, были какие-то репортажики. Все я это использовал. Так я завоевывал место в «Огоньке».

Когда я уже пошел на диплом, это был 60-й год, летом. На полгода диплом. Может быть, я рассказывал. Я взял Горького цикл «По Руси», это у меня была своя тема. Я сделал, защитился, все нормально. Мне предложили одну главу разработать и защищать как кандидатскую. Я сказал: «Я вас благодарю. Девять лет заочной учебы и работы мне вот так». Я взял диплом — никто никогда больше моего диплома и не видел. Так он у меня и лежал, и лежал. Причем в университете я из кожи не лез, чтобы все учить. Быть пятерочником — для меня это уже не имело значения. Я брал только то, что мне будет наиболее важно для моей дальнейшей жизни и работы.

Работа внештатным фотокорреспондентом

Эта поездка мне очень много дала. В это время лабораторию у «Огонька» забрали, потому что была построена общая правдинская лаборатория, все журналы поместили туда, но лабораторию у «Огонька» забрали, а я в это время был уже на штатной должности в лаборатории. Моя должность была ликвидирована, и мне начальство сказал: «Или ты идешь в отдел фельетонов, занимательной информации и юмора литсотрудником, или ты должен идти внештатным фотокорреспондентом». Я сказал: «Нет, я пойду внештатным фотокорреспондентом». Они говорят: «Ладно, хорошо». Короче говоря, я стал внештатным фотокорреспондентом.

Я уже печатался тогда, да и я к этому времени понемножку начал писать. Дело в том, что я и снимаю, и пишу. У меня целостный материал был. Я выбирал уже сам тематику. Я следил, слушал по радио, читал газеты, видел, что где-то что-то происходит. Если что-то интересное, я туда мчался, делал, писал, снимал. Потом репортажи шли такие, сякие. Как потом я узнал... В прошлом году* была выставка моя в Доме фотографии. И там вдруг сказали, что я фотограф-экстремал. Вот об этом я никогда не задумывался. Потом, когда я подумал, действительно у меня почти все командировки, поездки были экстремальные. Или это был север, или это где-то в морях, или это где-то в пустынях, или еще где-то. Так как я снимал и писал, то меня использовали с выгодой. Иначе надо двоих сотрудников посылать, а то один сделает: и напишет, и снимет.

* Выставка «Юрий Кривоносов. ФОТОКОР» была в Московском доме фотографии (Мультимедиа Арт Музей) с 1 июля 2015 по 6 сентября 2015 года.

В это время у нас в «Огоньке» был очень хороший заведующий международным отделом — такой Леня Степанов. Он потом ушел в «Известия» и был у них собкором по Западной Германии, Западному Берлину. Он был с немецким языком. И он меня послал в командировку — первая командировка за границу — в Монголию. Там подходил какой-то юбилей. Надо было делать монгольский номер. Меня послали одного. Вообще-то это была моя вторая заграничная командировка.

Первая заграничная командировка была очень смешная. В Москве появилась служба международных автоперевозок. Как теперь называют, дальнотранспортники. И решили сделать такой репортаж. Мой заведующий отделом говорит: «Вот, давай-давай, садись с ними, езжай». В Кунцево у них база была. Я говорю: «Хорошо». А начальство не захотело оформлять мне как заграничную командировку, потому что они себе сэкономили: был лимит определенный на поездки. Зачем это им меня? Ладно. Тогда мне заведующий говорит: «Да ладно, черт с ними! Ты езжай с ними до границы — и расскажешь, как они работают». Я говорю: «Раз они иностранники, надо ехать с ними до конца, до их пункта! Как же иначе? Это же просто смешно и глупо!» Он говорит: «Что я могу сделать?» Я говорю: «Ладно, я сам сделаю». Короче говоря, я пошел в этот Автотранс, договорился с начальством. Мне подготовили хороший экипаж: двое славных ребят, шоферы эти. Машина — «Шкода» с прицепом. Загрузились мы книгами.

Е. Г.: А какие книги везли?

Ю. К.: Ой, разные! Мы в двух книжных базах грузились. Я не помню, какие книги. Думаете, я помню? Это же огромное количество. Но я написал, что вот мы едем, а у нас за спиной дерутся на дуэлях, летают в облаках... В общем, расписал, и кончалось тем: «Мы везем книги». Вот так я начал этот репортаж. А они ехали в Болгарию. Мы приезжаем, а у меня был паспорт... Не паспорт. Тогда было удостоверение такое, которое для туристов. Можно было ехать за границу. По соцстранам был открытый проезд. Я им говорю: «Ребята, я с вами еду дальше». В Кишинев мы приезжаем. На бензоколонке заправлялись. Я там девчонку спрашиваю: «Слушай, у тебя есть какая-нибудь печать?» — «Нет, у меня никаких печатей нет». А я вижу, что лежит штамп. Я схватил — на свою командировку хлоп. Там было написано: «База такая-то. Кишинев. Бензин отпущен». Значит, я уже отметил в командировке, что я в Кишиневе. Поехали мы дальше. На погранпункте мне говорят: «Ты что? „Огонек“, а такой несолидный у тебя документ». Я говорю: «Времени не было оформить паспорт хороший». — «Ну, езжай». Короче говоря, приехали мы в Софию. По дороге в одной деревне заночевали. Там уже были мои родственники. К этому времени я был женат на болгарке. Но она как болгарка: мама у нее — болгарка, а папа — русский эмигрант, капитан царской армии.

Е. Г.: Ничего себе.

Ю. К.: Он был еще к тому же художник. Вообще замечательный человек. Короче говоря, я уже был женат, и она уже была у меня здесь в Москве. А в деревне, где родня была... По дороге мы очень устали, я говорю: «Ребята, сейчас мы тут заночуем». Мы к ним — нас чудесно приняли с этими ребятами. Потом мы приехали в Софию, разгрузились они. Они должны были ехать в Пловдив грузиться сигаретами и везти сюда сигареты, но я уже от них отстал. Свояк у меня уже был в Болгарии. Ее сестры муж. Коля его звали. Мы с ним пошли... Во-первых, я сходил в торгпредство, поговорил с нашими торгпредами. Потом мы пошли в перевозки болгарские и договорились, что меня берут болгары, которые будут ехать через Советский Союз в Финляндию. Везут что они? Бочки с солеными огурцами. Огромная фура. А у них машины уже были лучше — «Мерседесы». А эти «Шкоды» — это такая доходиловка, там тесно было ужасно. Не важно. Короче говоря, я обратно поехал с ними. Мы были должны после Киева ехать на Ленинград, потому что они же... А у них после Киева подломалась полуось. Я нашел там тогда сельхозтехнику, пригнал. Они сварили, сделали им полуось. Я говорю: «Ребята, вот эта дорога на Питер очень плохая. Мы лучше поедем до Москвы, и через Москву вы поедете на Ленинград. Эти дороги, магистральные, очень хорошие. Иначе вы опять подломаетесь. У вас же не в порядке эта штука». Они говорят: «А солярка?» — «Ребята, ерунда солярка». Подъезжаем — бабушка, даешь ей трояк, полный

бак им солярки наливает. Они не могли понять, как это можно: полный бак за трояк. Да еще и не берет. «Ладно, болгары! Что, жалко им, что ли?» Приехали мы с ними сюда. Эти ребята у нас тут три дня пожили, мы этих болгарских автомобилистов возили и на ВДНХ, и все. Потом я заправил им опять полную солярку здесь на Филях, и проводили. Они поехали уже в Ленинград.

Е. Г.: А им не надо было нигде отмечаться?

Ю. К.: Нет. Им надо было груз привезти туда, куда надо. А я на обратном пути на бензоколонке накакой-то тоже раз — и у меня было, что я был командирован в Кишинев. То есть мне оплатили командировку кишиневскую, а загранку, этот кусок, мне не оплатили. А мне и не надо было. Но я сделал очень хороший репортаж — назывался «На трассе E20». Разверстали, по-моему, на шесть полос. Вдруг какую-то республику наградили каким-то орденом. Вручение дают на разворот. Меня оттеснили, один разворот оставили. Короче говоря, испортили мне этот репортаж, но репортаж все-таки вышел.

Подработка в журнале «Freie Welt»

Тут я еще могу такую деталь рассказать. Это был 60-й год, а в 61-м году в мае месяце меня взяли в «Огонек» штатным репортером. Меня и Генку Копосова. Нас одним приказом взяли. Там какие-то вакансии появились. Нас взяли в штатные репортеры. А вот этот 60-й — 61-й, пока я был внештатный, я никакую зарплату не получал, а командировок было мало. В это время я пристроился в журнал «Freie Welt». Это был журнал гдээрровский. У Общества германо-советской дружбы здесь было бюро. Такая была Лиза Ключевская, которая руководила этим бюро. Я им помогал, а они в это время создавали на Кутузовке свое бюро и делали там фотолабораторию. Я им оборудовал. Я вообще был специалист по оборудованию фотолабораторий. Я говорил, что военную оборудовал. И я им тут же оборудовал фотолабораторию. Потом я им еще в немецкой деревне оборудовал фотолабораторию. Потом я свою кабину в «Огоньке» тоже оборудовал так, что отлично. Вот это меня научили хорошо в училище. Я все это умел уже делать.

Короче говоря, в этом «Freie Welt» я весь этот год им помогал. Я у них взялся за фотолабораторию, а потом у них была поездка. Приехали один фотокорреспондент и один пишущий корреспондент. Им нужно было поехать через Украину, сделать такую поездку, и эта Ключевская поехала как переводчица. Мы поехали на моей машине. Они с «Огоньком» договорились, и меня отпустили. Я сопровождал этих двоих. И у этих учился. Мы за этот месяц сделали большую поездку через Украину: Одесса, Киев и так далее, и так далее. Много тоже повидал я. Но в это время, в этот год, они мне платили — каждый месяц давали конверт — тысячу рублей. А у меня до этого последний мой оклад был восемьсот восемьдесят в лаборатории. А тут я был без оклада, но мне тысячу рублей они просто чистыми выдавали. Так что я продержался этот год безбедно. На чем я остановился? Я уже потерял нить.

Е. Г.: Что вас взяли в штат в «Огоньке».

Загранкомандировки

Ю. К.: Да, взяли в «Огоньке» в штат. И дальше пошло раскручиваться очень даже капитально, потому что я пишу и снимаю. Вот меня послал он в первую... Монголия — первая командировка, да? И я сделал номер. Был юбилейный номер, сколько-то материалов, цветные обложки и вклады. Потом через год был какой-то снова юбилей монгольский, опять из моих материалов сделали.

А секрет в том, что были еще заграничные поездки, которые шли по государственной линии, и «Огоньку», скажем, дают одно место. Например, визит военных кораблей в Индию. Кого — меня посылают. «Один он напишет, он снимет». Я еду туда. Съездил, попал в Индию. Тоже все сделал нормально. Потом поездка — сопровождать правительственную делегацию в Сомали. Меня вызывают в редакцию, спрашивает начальство, как я переношу жару. Я сказал: «Я нормально переношу». В Индии сорок пять в тени. Я бегал с тремя сумками: две с аппаратами, одна с кинокамерой. Я говорю: «Вот выдержал». И север я хорошо

переносил. И север, и юг переносил. Короче говоря, меня посылают с правительственной делегацией в Сомали.

Дело в том, что когда попадаешь в эту обойму, то уже потом опять тебя берут. Вот потом в Афганистан повезли. У них же на тебя документы в МИДе, во-первых. Во-вторых, охрана правительственная уже тебя знает. Ты уже в списке. Причем я был спаренный с репортером Владиславом Кивриным из журнала «Советский Союз». Вот такая схема: мы приезжаем в аэропорт Внуково-2... Там правительственный же был. Он и сейчас, наверно. Мы приезжаем, ставим наши чемоданы, все, мы летим, прилетаем в Могадишо, приходим в гостиницу. Номер наш — наши чемоданы уже стоят там. Там все отработано четко.

Поэтому, когда попал в эту обойму, уже все. И вот я так ездил в эти всякие командировки. Но я не очень любил правительственные съемки, потому что были ограничения. Видите, какая штука была. Я еду с визитом, скажем, в Индию или в Сомали, или в Афганистан. Там переговоры идут. Нужно четыре-пять кадров в номер и короткий текст. Освещение визита, да? Значит, кадр. Они в аэропорт, их встречают с самолета, народ, они мимо народа проходят — кадр. Потом народ стоит — еще. Потом хлопают — «ладушки» назывался этот кадр. И подписание. Все!

Е. Г.: По протоколу.

Ю. К.: По протоколу. А дальше я хожу по городу, снимаю, снимаю, все снимаю.

Е. Г.: И надолго приезжали в эти страны?

Ю. К.: На несколько дней.

Е. Г.: То есть успевали посмотреть.

О фотографах

Ю. К.: Дня три-четыре. Я успевал походить, поснимать. Со мной Юра Абрамочкин тоже — в паре всегда мы были. Он мне чем нравился, Юра Абрамочкин, что он никогда не расставался с фотоаппаратом. И я тоже. На прием идем, куда бы мы ни шли — фотоаппарат с нами. А другие ребята: «Ну, на прием зачем аппарат», — они идут отдыхать. Я считаю, что Абрамочкин — это самый сильный фоторепортер из советских. Может быть, сейчас есть более сильные, но он был самый сильный. Хотя характер у него неважный, но я знаю, что это самый сильный репортер. У него была выставка — это можно было обалдеть. Я ничего себе не мог даже представить. Юра Абрамочкин. Вот так. Так шла моя жизнь в «Огоньке».

Е. Г.: Какая была вообще обстановка в «Огоньке»? Расскажите?

Ю. К.: В «Огоньке», когда я пришел, была чудесная обстановка.

Е. Г.: Что за люди там были?

Ю. К.: Там были люди, которые меня правильно направили. Фронтвики все были фотокорреспонденты. Бальтерманц, Фридлянд, Кнорринг, Рюмкин, Тункель, Кузьмин и так далее. Много было. Хорошие все фоторепортеры были. Я у них потихоньку в лаборатории... Я же работал, печатал их фотографии и других репортеров. К нам халтуру приносили из других редакций печатать.

 Через меня, через мои руки и мои глаза прошли тысячи, если не десятки, сотни тысяч чужих фотографий. Что-то откладывалось у меня в голове — то при этом.

Потом они мне рассказывали что-то, опекали меня. Меня Фридлянд особенно опекал. У Бальтерманца

я просто учился. Я сам за ним наблюдал, и я ему очень помогал. Мы с ним дружили. Я ему делал подписи к фотографиям. Он приходил: «Юрка, сделай подпись!» Я делаю. Потом он стал заведовать фотоотделом, а я уже работал в отделе внутренней жизни, как пишущий человек. Он приходил и говорил: «Юрка, составь мне план репортажей и фотоочерков на квартал». Я садился и начинал ему разрабатывать это все. Потом, когда очередной номер был смакетирован уже, он приходил с этим номером и говорил: «Юрка, сделай подписи к фотографии». Я ему делал подписи. Ну, по дружбе. Так что мы с ним дружили до конца его жизни, и с его семьей я дружил.

Съемки на научном судне «Тунец»

Е. Г.: А темы вы сами предлагали?

Ю. К.: Темы я сам предлагал. Я вылавливал. Например, я узнал, что идут подводные исследования на Баренцевом море. Там научное судно ходит, и они спускаются на гидростате. Я приезжаю в Мурманск и иду в институт ПИНРО* (Полярный институт рыболовства и чего-то там, в море там плавает). Короче говоря, договариваюсь. Они говорят: «Хорошо, мы вас берем». Я должен в Москву [съездить], оформиться, что я поехал. Приезжаю, а «Тунец» ушел в море. Меня сажают на траулер, который идет в район промыслов, близкий, где тот. Меня там в море пересаживают. Это вообще страшное дело. Когда волна — метров пять — поднимается-опускается вдоль борта, и шлюпка поднялась, надо бросить аппаратуру. Поднялась — надо выскочить самому. Хитрое дело. Короче говоря, меня в море пересадили на этот самый «Тунец». «Тунец» назывался? «Тунец», да, тунец — это рыба. «Тунец» — это научное судно. Так у меня начиналось.

* Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н. М. Книповича

Я уже был знаком с начальником экспедиции. Я с ним еще в Мурманске договаривался. Он говорит: «Ладно, идите в такую каюту и устраивайтесь». Я пошел. И вдруг по радио передают: «„Огоньку“ выйти на погружение! Теплее одеться!» У меня был свитер, была замшевая куртка. Прихожу. Гидростат стоит. Меня сажают в этот гидростат, завинчивают и опускают на дно моря. А там пять иллюминаторов во все стороны. На стульчике один сидишь, крутишься, смотришь в эти.

Гидростат. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Е. Г.: Что вы увидели?

Ю. К.: Снимать очень трудно. Я об этом потом написал целый рассказ.

Е. Г.: Расскажите.

Ю. К.: Там прожектора, там прожектора! Я навожу прожектора. Смотрю, рыбка. Я ее снимаю, но очень плохо, темно, съемка неважная. Но не важно. Вообще я сделал. Меня так несколько раз опускали. Один раз меня опустили без регенерации на полчаса.

Е. Г.: Это что такое?

Ю. К.: Это которая углекислый газ в кислород перерабатывает. Можно дышать несколько часов. А регенерацию сняли. Он говорит мне, этот Китаец, Китаев его фамилия, Китаец — прозвище, он говорит: «Ладно, иди на полчаса, там на сорок пять минут воздуха хватит тебе. Здесь вот очень интересное дно». Они меня опустили, ушли ужинать и про меня забыли. Первый начальник экспедиции пришел в рубку, видит, что я там сижу-то. Он мне звонит и говорит: «Как у вас там дела?» Я говорю: «Да ничего. Сколько я сижу?» Он мне говорит: «Тридцать пять минут». А меня же поднять еще должны! Я говорю: «Тащите меня!» И меня вытащили. У меня кислород кончился. Я уже задышался, я весь мокрый, пот с меня течет, задыхаюсь. Воздух пустой! Я глотаю воздух, а он пустой! Когда эту крышку открыли... Пятьдесят минут я просидел закупоренный. Потом мне говорят: «Слушай, как ты выдержал пятьдесят минут там?» Я говорю: «Наверно, у меня маленький объем легких». Китаец мне говорит: «Ты меня не выдавай! Меня убьет начальник экспедиции!» А там была такая Светлана. Потом мы с ней очень дружили. Она тут у нас бывала, приезжала. Она научный работник была, кандидат была, потом стала доктором. Она пошла и рассказала этому начальнику экспедиции Олегу Николаевичу. Он меня вызывает, говорит: «Юрий Михайлович! Что вы делаете! Вы представляете — вот вы там задохнулись, и вас нету. А я — в тюрьме. А мои дети? Как вы могли?» Я говорю: «Олег Николаевич, я вас умоляю! Я понимаю, что сделал глупость, но он мне сказал, что быстро и вытащим!» Это был очень опасный момент. Очень опасный момент.

Е. Г.: Экстремал, конечно, вы.

Рыбный промысел

Ю. К.: Да. В другой раз я прочитал, что самый тяжелый период у рыбаков — это конец февраля – начало марта. Шторма. Я лечу в Мурманск, иду к секретарю горкома, а мы с ним уже были знакомы, говорю: «Слушайте, я хочу попасть на рыбалку!» Он говорит: «Да ты что! Какая рыбалка! У нас же тут промысел рыбный! А ты — на рыбалку!» Он думал, что я рыбу ловить куда-нибудь на удочку... Я говорю: «Да нет, я хочу пойти в рейс!» — «А, так бы и сказал! Какая рыбалка! Это не рыбалка! Это промысел!»

Меня сажают на траулер. Это оформление, морская роль выписывается. У меня была медицинская справка моряка, все это у меня было, сделаны все документы. И я прихожу на траулер. Рыбачки: «А-а-а! Пришел корреспондент!» А видно — я обвешан. Я говорю: «Ну и что?» — «А мы одного корреспондента после рейса уже на носилках выносили!» Я говорю: «Что делать? Работа у меня такая. Может, и меня понесете на носилках». — «Ладно». Это дело было утром. По Кольскому проливу целый день идут на выход и выходят в море только к концу дня. Когда мы в море вышли, а там штормило, в это время кок уже сделал ужин. На ужин были щи суточные. Я их обожаю. Дело в том, что меня никакая качка не берет: ни морская, ни воздушная. Я смотрю, а мои рыбачки сидят вокруг ведра. Я беру миску щей, предлагаю: «Ребята, как насчет щей?» Они: «Уа-а-а!» Потом я ушел. Прихожу кусочек хлебца... «Ребят, может хлебца?» — «Уа-а-а!» Я говорю: «Так кого будем выносить-то?» В общем, я вписался в этот коллектив. Но они дня через три адаптируются. Работа начинается, они как-то уже работают. Морская болезнь у них кончается. Может, и не кончается, но держатся ребята. Две недели сплошного шторма. От семи до девяти шторм, а надо ловить рыбу. Иначе пролов*. Иначе только зарплата — деньги копеечные. А заработок идет от улова.

* Пролов — невыполнение промысловым судном плановых заданий по добыче объектов водного промысла.

Из репортажа «Неудачный рейс». 1964. Источник фото: www.krisphoto.ru

Короче говоря, назывался репортаж «Неудачный рейс». Значит, шторм, рыба плохо ловится, у капитана болят зубы. И уже под конец, когда они пошли возвращаться, собрание. Спрашивают капитана: «Ну как это, ну как?» Капитан говорит: «Сто пять процентов!» Или: «Сто пятнадцать процентов!» Заработали. Все счастливые. Мне они закатали две баночки: тресковую печень положили, перчик положили, еще чего-то, листик этот положили. Пометили, а там тысячи этих банок. Потом их вытащили, мне дали. Через два-три года на Новый год жена говорит: «Что бы нам сделать такое? Что это за банки? Ни этикеток, ничего нету». Я говорю: «Это же тресковая печень с траулера». — «О, давай!» Раз-два, раз-два. Когда открыли — все, как они положили: листик, перчик. Очень трогательно.

Переработка улова. 1964. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Е. Г.: А они ловили и все перерабатывали тут же?

Ю. К.: Там же, да. Часть засаливается и морозится во льду. Часть — хвосты, головы, туды-сюды — на рыбную муку идет. Это на удобрение и скоту на корм. Печень — или делают тресковую печень, или делают рыбий жир, плавят из нее. То есть все употребляется, все идет в дело. Работают они там, как эти, во время лова. Мы ушли аж в Норвежское море, и я снял, как поймали ската. Вот такой огромный скат. Рыбак его за хвост — и потащил. Я его снял. У меня на всех выставках этот скат был. Эта фотография у меня называется «Золотая рыбка». Ее столько раз покупали, что этот скат — золотая рыбка.

«Золотая рыбка». Норвежское море, 1964. Источник фото: www.lumiere.ru

Ледник Медвежий

Потом я вычитал, например, что перевозят самолетами скот из Узбекистана в Киргизию, потому что тут выгорела трава, а в Киргизии хорошие пастбища. А через перевалы гнать нельзя — снег еще. Погибнет половина скота. Их на самолеты. Десять, что ли, или двадцать самолетов. Один за одним грузили, возили этот скот. Я прилетел туда, полетел с ними, снял это. Тоже был репортаж. Назывался «Там, за перевалом». Потом так же я узнал, что засыпало эти пастбища зимой и нужно вертолетами довозить продовольствие, корм, спасать овец. Прилетел, полетел с вертолетчиками туда, тоже сделал репортаж. Потом узнал, что сдвинулся на Памире ледник Медвежий, идет очень быстро, и там всякие происшествия. Полетел туда.

Перевозка скота. 1966. Источник фото: www.krisphoto.ru

Е. Г.: Вы это поподробнее расскажите. Это интересная история.

Ю. К.: Я услышал, что такая катастрофа. Помните, как погибла группа где-то на Кавказе, да? Сель когда их? Как его? Бодров-младший, да? Помните вот это? Но там не мгновенно пошел, а тут — мгновенно. А там у них ледник несколько десятков метров проходил в сутки. Это очень много. Ледник вообще очень медленно идет. Там уже поселок... Всякая аварийная обстановка.

Я в аэропорт. На Душанбе рейс откладывается. Завтра утром вылетаем, а это вечером было. Я беру такси, еду домой, выезжаем на кольцевую, вижу, шофер сидит спит. Спит шофер! Заснул! Я руль перехватил, его разбудил, потом я — у него на Пресне база была — до базы его проводил. Я говорю: «Ты что?» Он говорит: «Я семнадцать часов за рулем, устал сильно». Вот так я тоже подменял водителя, когда ехали с Байкала.

Короче говоря, утром я опять на самолет. Прилетаю в Душанбе. Думаю: «Куда мне идти? Куда надо ехать? В ЦК». «Огонек» — ЦК. И вижу, какие-то ребята ходят в ковбойках, какие-то у них приборы. Я — к ним: «Ребята, вы кто? Вы куда?» Они говорят: «Мы гляциологи, на Медвежий». Я говорю: «Берите меня в компанию». — «Давай». За ними присылают автобус, везут нас на госдачу, в резиденцию первого секретаря. Приезжает все республиканское начальство, разрабатывают план, как действовать, потому что очень страшная штука, когда с ледником.

Им дают самолет высотный... Вообще-то это, как кукурузник. Есть АН-2, но это АН-6, высотный. Такой же он, только приспособлен для высот. Им дают этот самолет, чтобы с самолета разведать, посмотреть обстановку ледовую. И мы летим над Памиром. Ледник Федченко. Все эти ледники — это вообще с ума сойти! Это Восточный Памир. Они все к окнам, аппараты, киноаппараты, фотоаппараты. Они все окна заняли, только одно окошко осталось: дверь низко вот так и тут это окошко. Я пошел туда, встал на коленки перед этой дыркой, снял. Забегая вперед, могу сказать. Когда мы в Москву прилетели потом, они мне звонят: «Слушай, у тебя есть снимок ледника-то?» Я говорю: «Есть. А что, у вас нету?» — «У нас все

нерезко». Я понял, что они прижимали аппарат к окну или упирались локтями, и вся вибрация шла на фотоаппарат. Это нельзя! На весу надо делать! Все аэрофотоаппараты установлены на амортизаторы типа «Лорд», поэтому вибрация гасится, когда аэрофотосъемка, за счет этих амортизаторов. Я знал, что амортизация должна быть, и снимал на руках. Руки-то гасят. И у меня все резко. А у них все нерезко. Это профессионализм.

Ледник Медвежий сверху. 1963. Источник фото: www.krisphoto.ru

Ледник Медвежий. Ледяная плотина и образовавшееся озеро. 1963. Источник фото: www.krisphoto.ru

Короче говоря, прилетаем мы на этот самый ледник. Я в деталях не буду рассказывать, но там было два альпиниста. Один был гляциолог. Он кандидат наук, геолог, географ. Костя Рототаев, такой замечательный парень. И второй — мастер спорта, альпинист-перворазрядник. Альпинисты должны пойти через горы, разведать. Ледник перегородил ущелье, там стала накапливаться вода, и это огромное озеро уже. Это было самое страшное. Надо было определить, сколько воды, как и когда может быть прорыв, дать прогноз. Потому что потом пойдет такая сель через все эти ущелья вниз, где кишлаки и все прочее. Это страшное дело. Надо было дать прогноз. И вот они собираются на следующий день идти туда на разведку. Я им говорю: «Ребята, возьмите меня с собой». А Костя на меня посмотрел и сказал: «Ты парень вроде жилистый, должен пройти. Давай». И начали меня обучать альпинистскому делу. Как это одевать, карабин зацеплять... Я точно запомнил, прежде чем из карабина вынуть ту веревку, надо положить эту. Это железно я запомнил. Они меня обучили этому, но у них-то ботинки были отриконенные. Знаете трикони, да? Отриконенные. Ну, зубцы, зубчатые.

Е. Г.: Да.

Константин Рототаев. Памир, 1963. Источник фото: www.krisphoto.ru

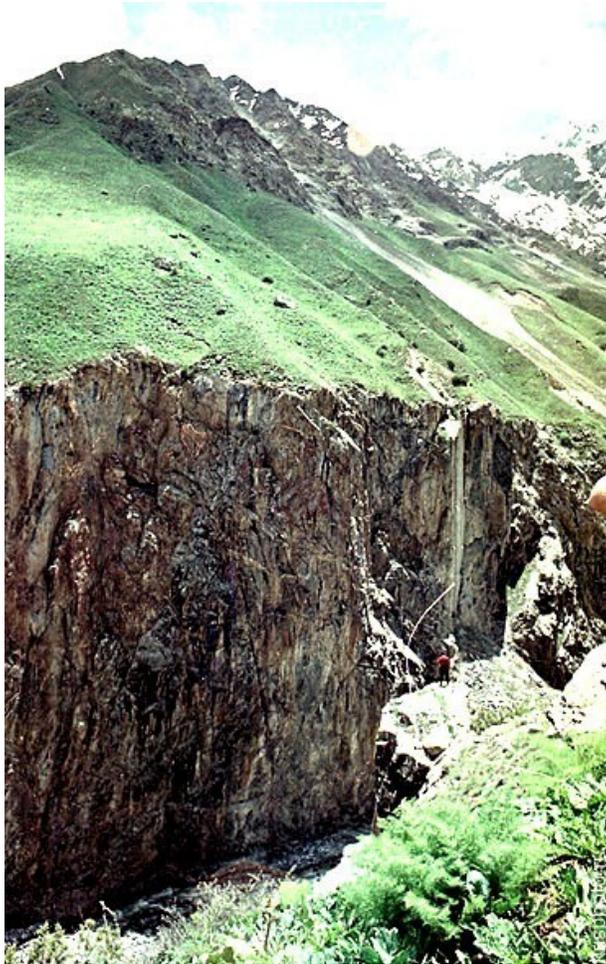
Ю. К.: А у меня были рубчатые, но без триконей, чешские, туристские. Это было хуже. Они сказали: «Мы тебя берем». Взяли, мы пошли, на второй день перешли ущелье — называется это кулуары. Через кулуар надо пройти, а оттуда камни летят все время почему-то. И надо бегом проскочить, чтобы под камни не попасть. Шли, шли, шли — вышли на одно место. Перед нами каменная стена. Они стали разматывать веревки, а я это видел только в кино. Видно, у меня в глазах что-то промелькнуло. Костя говорит: «Знаешь, может, мы тебе тут палатку поставим, ты нас подождешь, пока мы сходим». Я говорю: «Нет, раз уж я пошел,

надо идти». Мы на веревках на этой отвесной каменной стене висели пять часов. Пять часов эту стену проходили. Один раз я сорвался — они меня на веревке... Один говорит: «Юра, доверяй веревке!»

Пять часов мы шли, потом остановились к вечеру, стали на ночь устраиваться. Там такой травянисто-каменистый склон, вырубил: одна вот такая узенькая полочка, а дальше — чуть пошире. В узенькую — Дима, а мы с Костей — на эту, которая пошире. Вбит крюк, веревка, карабин, и мы привязанные. Он говорит: «Если будешь ночью случайно падать, не пугайся. Больше одного метра не улетишь — веревка не даст. Поворачиваться только вместе! Ты не вздумай повернуться! Ты меня скинешь!» На этих полочках мы проспали ночь, а ночью там минус.

Е. Г.: Ужас.

Ю. К.: У них альпинистские костюмы пуховые, а у меня нет. Так меня они что? Ноги мне замотали свитером и в рюкзак засунули, завязали. Меня в палатку завернули, а ночью там до минус пятнадцати доходит. Я потом об этом в «Огоньке» написал. Эту ночевку всю описал. Короче говоря, мы проспали всю ночь.

«Наша стенка». 1963. Источник фото: www.krisphoto.ru

Е. Г.: И спали действительно?

Ю. К.: Спали, а что делать? Мы же усталые. Спать хочется. На следующее утро Костя говорит: «Вот что. Ты остаешься здесь. Тут уже осталось недалеко. Мы с Димой проскочим быстренько и обратно». Оставили мне ледоруб, вбили крюк в скалу, привязали меня веревкой. Метров пять у меня было веревки, ледоруб... А там медведи водятся. Ледник Медвежий называется. И я стал думать: «Если медведь придет, я должен

заскочить выше и ледорубом...» Я не знаю, что было бы, если бы был медведь. К счастью, медведя не было. Ракетницу оставили, сказали: «Если мы до вечера не придем, дашь зеленую ракету». Потому что нас не видно через ледник-то — он так, а эти там ниже. «Если и завтра не придем, дашь красную ракету». — «Хорошо. Я дам красную ракету. А дальше что? Кто вытаскивать будет? Альпинистов-то больше нету». Короче говоря, они через полдня пришли. На мое счастье, они пришли. Начал накрапывать дождь. И в дождь мы эту стенку опять шли на веревках и на крючьях, забивали крючья. За три часа мы ее прошли обратно. Почему за три часа — не знаю. Мы пошли так в связке, стемнело, в темноте до самого лагеря мы дошли, уже не развязываясь. Пришли в лагерь. Палатки там. Мне налили полстакана коньяка. Я выпил, взял кусок сахара, кружку чая выпил и отрубился.

Ну, они там разведали. В общем, экспедиция уехала, но Костя остался до конца. Он дал прогноз — что ли, через десять дней будет прорыв. Сообщили мы, по радио всё сообщили. Там знали все. Он говорит: «Последим еще немножко». И мы с ним вдвоем остались еще на дня три-четыре. У нас была палатка, продовольствие. Это дикие горы. Там внизу, правда, был поселок геологов, но в нем никого не было: всех уже выселили, геологи уехали в другое место. Потом так и получилось, когда прорвалось это все, этот поселок снесло к чертовой матери. Пошел этот самый сель. Со скоростью сто километров идет эта штука, с камнями, со всем, летит. Прошел одно ущелье, повернулся в следующее и ударил в афганский берег этот сель. Это было жутко. Но это уже было без нас, потому что дня через три-четыре Костя говорит: «Все, старик, давай мотаться. Иначе мы отсюда не уйдем».

Е. Г.: А вы еще с аппаратурой были, наверно?

Ю. К.: С аппаратурой. Ну, а как же? И он с аппаратурой, он тоже снимал.

Е. Г.: Снимали?

Ю. К.: Как сель шел?

Е. Г.: Нет.

Ю. К.: Нет, сель без нас шел. Короче говоря, я фильм снимал дальше. Я работал. И он работал. Снимали мы с ним. А ночами мы жгли арчу. Огонь до неба. Звезды прямо на голове у тебя светятся, огромные! Красота! Несуветная красота! Холодно, а у нас огонь. Когда арчу мы набирали целый день, потом вся сгорит, мы в палатку спать, утром. Через дня два-три Костя мне говорит: «Все, старик, мотаем. Потому что сель пойдет, снесет все мосты, все дороги снесет. Горные реки везде выскакивают. Мы с тобой их не перейдем. Не сможем перейти вброд, невозможно. Надо уходить, пока не поздно». А там сто километров до поселка Ванч, откуда самолет ходит. Мы пошли. Там было километров восемь, наверное, до геологов. От геологов шла машина грузовая. Нас довели до Ванча, где уже самолет.

Ну, это какой аэродром? Так, галечник. Сели мы на этот самолет и полетели в Душанбе. Причем было два самолета. Он на первом улетел — там было одно место. И тут одно место. Я на втором улетел. Причем там так: ущелье большое, внизу речка и галечник, самолеты садятся на этот галечник, он прикатанный, и с него взлетают. Потом он взлетает, начинает кругами ходить-ходить, ходить-ходить по ущелью, когда выходит выше горы, ущелья, уже уходит и летит дальше. Здесь же тесно — он здесь не может взлететь. Он там должен полететь. Короче говоря, летим, и там есть такое место Калаи-Хумб. В Калаи-Хумбе должна быть посадка, и я вижу, что он начинает круги делать. Я думаю: «Сейчас он будет снижаться туда». Вижу, что там галечник. Будет снижаться он сейчас здесь. Так тихо-тихо слезет и там сядет. А он разворачивается... Сидят летчики, дверь открытая, а между ними — подвесное брезентовое сиденье такое. Не стульчик, а просто брезентовая штука. И я на ней сижу, между ними смотрю. Они разворачиваются, разворачиваются, и я вижу (я старый авиатор), что они в поворот не вписываются и идут на скалу. Расстояние — сейчас рубанемся. И вдруг в этой скале вот такая дыра, и они в эту дыру раз — и оказывается, аэродром наверху.

Е. Г.: То есть они знали.

Ю. К.: Ой, я испугаться даже не успел. У меня только мелькнуло в голове: «Как же они невписываются-то!

Это не может быть!»

В Душанбе я прилетел. Костя меня ждал. Мы там ходили, купили лезвия, побрились — были обросшие. А через три-четыре дня после нас был этот прорыв, сель. В Ванче у них ночевал самолет. От него только колесо нашли. И вообще там были разрушения. Многие дороги порушило, мосты порушило, но кишлаки — нет. Кишлаки же — они знают — у них высоко стоят, а вот подсобные всякие помещения ниже. Но когда мы дали прогноз, то они весь скот отогнали наверх, чтобы не было здесь, чтобы не попали. Таким образом, ущерба большого не было, если не считать этот самолет. Вот это еще была командировка. [Репортаж] назывался «Памир. Ледник Медвежий».

Е. Г.: Потрясающе.

Высший пилотаж

Ю. К.: Вот еще была очень интересная у меня командировка. Я писал, репортаж назывался «Автомобиль в мешке». Испытатели автомобилей говорят: «Дайте нам автомобиль, мы через неделю вам его вернем в мешке». На полигоне под Москвой они гоняют эти машины. Там сделаны трассы. Действительно они все разваливались, за неделю их разбалтывали. И я в этих испытаниях тоже участвовал.

Ну, потом был в Киеве. Аэроклуб. Два летчика делали полет «мертвая петля» в положении «голова к голове». Значит, один самолет так летит, а другой — над ним кверху ногами, и в этом положении они делают «мертвую петлю». Это вообще номер страшный. Я снимал, как они там это, это, это. Но я говорю: «Я же должен бы с ними полететь». А начальник аэроклуба говорит: «Это только Москва может разрешить». Три дня договаривались с московским ДОСААФом, чтобы меня они взяли. Разрешили, но сказали: «Привяжите его так, чтобы он не мог ни за что отвязаться». — «Хорошо».

У меня есть целая серия фотографий. Мой напарник, который пишуший, меня снял: как меня одевают, одетым. Это у меня целый репортаж. Я им говорю: «Ребята, я все понимаю, вашу команду, но я сам авиатор, сам с парашютом прыгал, — а парашют на мне, — вы мне покажите, как система расстегивается, которой я привязан к сиденью-то». Они говорят: «Вот на эту кнопку раз сюда — и все разваливается. И можешь вываливаться». Уже свои ребята-то. А мой напарник пишуший тоже был летчиком когда-то. С этими двумя ребятами — один Володя, другой Миша — полетели. Мы взлетели. Миша говорит: «Кувыркаюсь!» Миша переворачивается и заходит над нами. Я сажу сзади. Это от спарка взяли. Машина-спарка, где есть второе сиденье для учебы. Впереди сидит этот Володя, летчик, а я в спарке. Аппарат у меня — широкоугольник. На мне ларингофон. Я говорю: «Миша, ты у меня в кадр не влазишь! Отодвинься чуть-чуть!» Он отодвигается. «Так, теперь чуть-чуть надо...» Короче говоря, я сделал всю съемку. Была такая съемка, и у меня на сайте про это было.

Мертвая петля «голова к голове». Киев, 1960-е гг. Источник фото: www.krisphoto.ru

Е. Г.: Это вы вниз головой, что ли, снимали?

Ю. К.: Конечно.

Е. Г.: Потрясающе.

Ю. К.: Это мгновение, но я снимал. Главное же — два самолета. Как ни снимай. Я снял отдельно с земли, как они вот это крутят. А там как снимешь-то? Никак. Вообще с воздушными акробатами летать — это тоже была весьма сложная штука. Один из них до сих пор живой. Недавно какая-то женщина прочитала у меня на сайте и прислала мне фотографию этого Володи, что он живой, чего-то про него написала. Это у меня где-то в компьютере сидит. Вот это было тоже.

Про отца

Е. Г.: Потрясающе. Но вы все-таки расскажите про папу.

Ю. К.: Я на второй или третий день его проводил на фронт, на сборный пункт. Он уехал. Потом он нам писал с фронта. Он попал на Западный фронт. Он был командиром медсанбата, майором медицинской службы, полевым хирургом. Они были в районе Смоленска, двигались туда на оборону и попали в окружение, как все наши армии попали в окружение.

Есть две фотографии. Одна фотография — он с каким-то своим помощником. Молодые, красивые такие. Вторая — где он в каске с фонариком в шинели. Из Смоленска прислал он эти фотографии. А потом в конце войны он прислал свою фотографию. Сразу видно, что с человеком произошло за это время.

Михаил Семенович Кривоносов (слева), отец Юрия Кривоносова. Лето 1941. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Михаил Семенович Кривоносов. Вязьма, сентябрь 1941. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

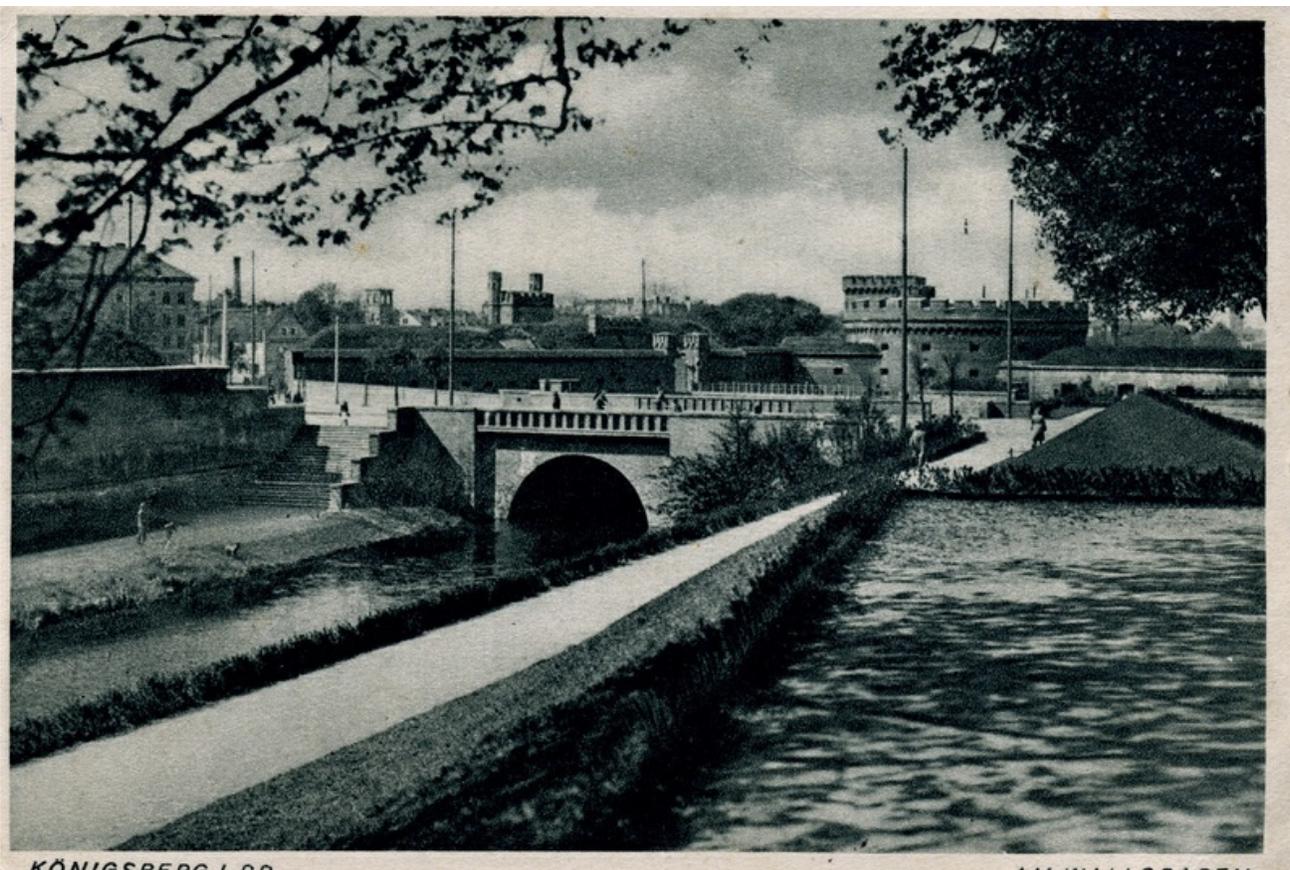

Михаил Семенович Кривоносов. 1945. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Когда они попали в окружение, они где-то остановились на ночевку. Утром он говорит: «Давайте нагреем воды, хоть желудок не пустой будет. Есть нечего». Налили. Говорит: «Сижу, и вдруг немцы на меня винтовки. „Руки вверх!“ Всех нас забрали». Всех их забрали в лагерь, за проволоку где-то в поле загнали. Он оттуда убежал. Где-то его перехватили. Все было уже занято. Это страшное окружение. Вяземский котел. Его снова захватили и уже держали. Попал он в лагерь военнопленных, где он был как врач. Госпиталь для советских военнопленных. Что это за госпиталь? Это сарай, сено на полу, солома настелена, раненые. Ни инструментов, ни медикаментов — ничего нет. Он два года был в этом деле.

Было еще три попытки побега. Один был провал такой, что его чуть не расстреляли. И последний побег он организовал сам, и у него была уже связь с каким-то дедом, который знал, где партизаны, и он организовал последний побег. С ним ушли разагитированные немецкие солдаты и офицер один. Потом военнопленные наши. И они ушли, встретились с этим дедом. Два или три дня они где-то по лесу крутились, пришли к партизанам. Он был в партизанском отряде еще. После этого наши войска уже подошли. Было соединение. Всех, кто был на немецкой территории, в лагерь проверки. Здесь в Подольске лагерь проверки. Под Подольском, в Щербинке. Из восьмисот человек четыре — в штрафную роту, а остальные — в Магадан. А ему восстановили звание. На него пришла какая-то хорошая характеристика, и его послали на формирование. Он опять был в медсанбате, и с этим медсанбатом он уже пошел по фронту, по войне. По-моему, это Прибалтийский какой-то фронт. Кончили они войну в Кёнигсберге. Ныне Калининград. Калининград, да?

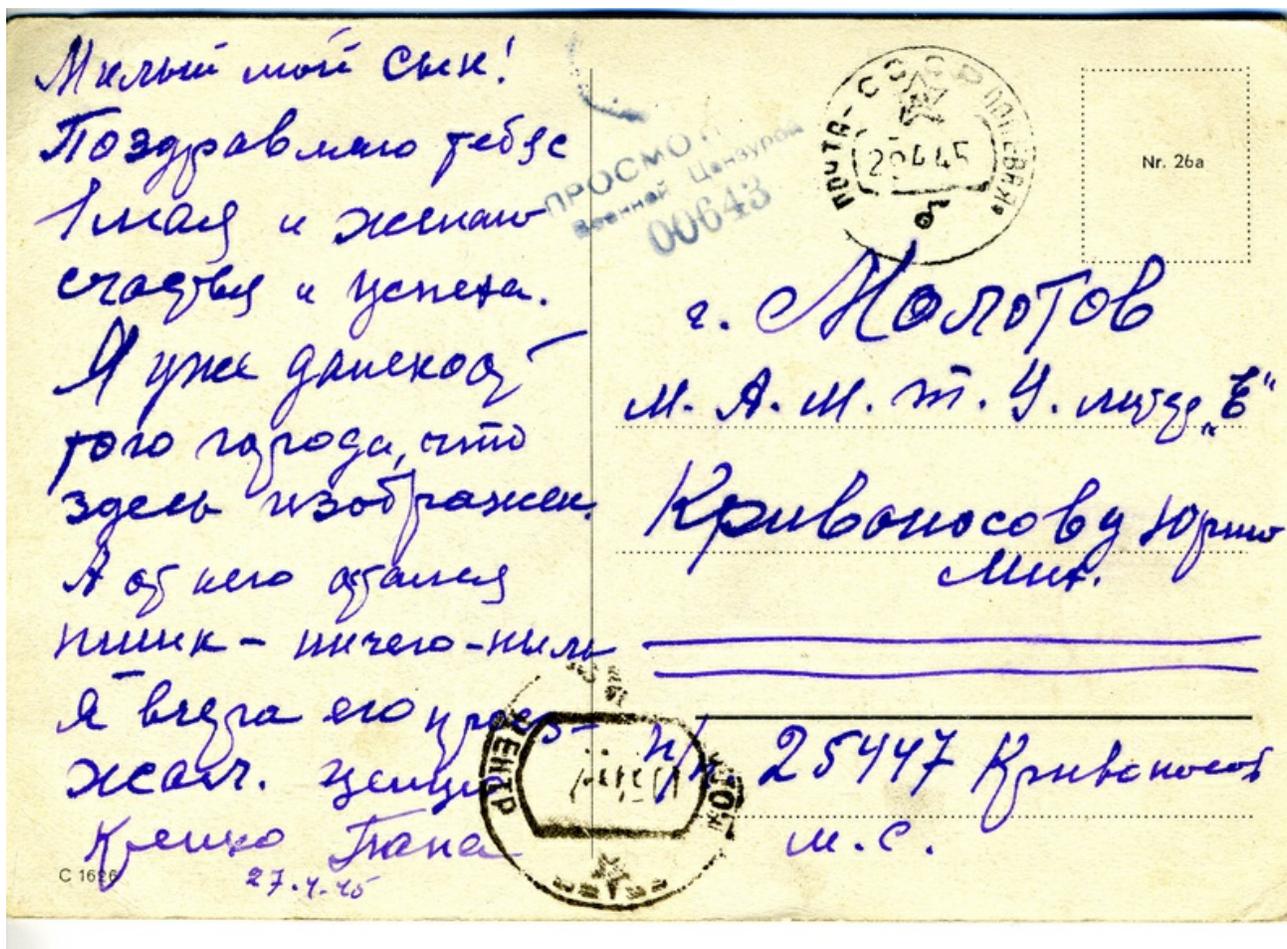
Е. Г.: Да.

KÖNIGSBERG I. RR

M. W. L. O. R. E. N.

Открытка от отца. 1945. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Текст открытки. 1945. Фото из архива Ю. М. Кривоногова

Ю. К.: Калининград — Кёнигсберг? Ну, Кёнигсберг, в общем. Вот там он закончил войну. После этого он еще в Германии был в оккупационных войсках врачом в госпитале. Потом в 46-м или в 47-м году вернулся к себе на Украину, стал опять главврачом своей второй больницы, как он там и был.

Весь этот рассказ у меня записан на пленку, и теперь он даже у меня сделан на диске. Он у меня называется «Военный врач о войне». Там очень подробно и долго он рассказывает, часа три.

Е. Г.: Он сам?

Ю. К.: Он сам рассказывает подробно. Поэтому если вы хотите эту запись иметь, то ее надо иметь. Тем более если это библиотека МГУ, который он окончил, то для них это было бы интересно как исторический документ.

Е. Г.: Конечно. Да.

Ю. К.: Причем он был хороший очень врач. Студенты тоже были хорошо подготовлены, потому что у них был знаменитый профессор Мартынов, великий хирург. Он целую плеяду хирургов советских обучил. И с ним была такая еще... Она с нами была соседкой по квартире, Фельдмана жена, Полякова Лидия Евгеньевна. Она была полевым хирургом, как и он, на войне. Только где-то на другом фронте. Правда, она в плен не попадала. И была его же выпускница — вместе учились, из их набора, — Варвара Адамовна Боровская, которая Четвертым управлением* была откомандирована в Китай и многие годы была личным врачом Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая.

* Четвертое управление (впоследствии — главное управление) Министерства здравоохранения СССР.

Е. Г.: Ничего себе.

Ю. К.: Когда она оттуда вернулась, уже на пенсии, старенькая, я с ней встречался. Она с моей мамой дружила. Она у нас бывала и рассказывала. Надо было ее расспросить и записать! Но единственное, что я помню из ее рассказов, что Мао Цзэдун очень не любил чистить зубы. И она ему говорила: «Мао, надо чистить зубы каждый день!» Он ей говорил: «Варвара Адамовна, тигр никогда не чистит зубы. Посмотрите, какие у него клыки!» Она говорит: «Мао, так нельзя!» В общем, она была послана от нас личной. Это из его набора. И есть фотография, где он стоит, профессор Мартынов и еще студенты вокруг. Студенты и папа мой на этой фотографии. Я ее поместил в моей книге, которая вот сейчас выходит. «Михаил Булгаков и его время». Там я рассказываю про этого профессора Мартынова, даю фотографию, где этот профессор Мартынов со своими студентами. И там на фотографии я написал: «Мой отец», и это будет в книге.

Е. Г.: Прекрасно. Спасибо.

Михаил Семенович Кривоносов (третий справа во втором ряду) с профессором А. В. Мартыновым и группой. Москва, 1920-е гг. Фото из архива Ю. М. Кривоносова